

Екатерина Кузнецова

Отражение философско-религиозных идей Д. Мережковского в симфонии «Кубок метелей» и романе «Серебряный голубь» Андрея Белого

На рубеже XIX-XX вв. в среде русских образованных людей стала ощущаться потребность обновления духовной жизни – и религиозной, и эстетической. Возникла необходимость реформации христианства вообще и православия в частности. Возможность модернизации христианства мыслилась Д. Мережковским, З. Гиппиус, Д. Filosoфoвым и др. согласно логике развития его же истории. Пришествие «Третьего Завета» представлялось синтезом правды плоти, явленной в язычестве, и правды духа, реализованной в христианстве; в терминах Мережковского – соединение «бездны духа» и «бездны плоти». Это учение получило название *нового религиозного сознания*.

Андрей Белый упоминал, что идеи Мережковского вдохновили многих его современников: «Все соборники, мистики, оргиасты, эротисты, эротоманствующие христиане, чулкисты ловко черпали из Мережковского; здесь его проштемпелевали, там запутали, а он остается самим собой – цельным, незабываемым»¹. Сам Белый, по словам А. Пайман, в 1903–1907 гг. «испытывал к ним (Мережковским – Е. К.) чуть ли не сыновье благоговение и смотрел на них как на религиозных наставников»². Их личные черты и особенности характеров, а также взгляды на ряд вопросов (любви, пола, религии) оставили значимый след в его произведениях. «Слой» Мережковского в симфонии «Кубок метелей» проанализирован в статьях А.Г. Бойчука³, где исследователь отметил, что два основных идейных комплекса, которые Белый пытается художественно выразить и одновременно частично оспорить, – это концепция новой церкви и проблема плоти; первая выразилась в том, как Белый рисует в симфонии монастырь и религиозную жизнь, а вторая – в его собственной концепции «святой плоти»⁴.

Еще в 1902 г. начинающий писатель отправил Мережковским большое теоретическое письмо, в котором полемизировал с центральной идеей философско-критического труда Мережковского «Л. Толстой и Достоевский», а именно «с идеей необходимости *равноправного* соединения „духовного” и „плотского” начал, „бездны верхней” и „бездны нижней”, нашедших адекватное воплощение <...> в жизни, творчестве и религии Достоевского и Толстого»⁵. Это сочинение Белый хорошо знал, о чем поведал позднее в своих мемуарах «Начало века»: «По Мережковскому, Толстой ведает плоть; Достоевский же – дух. <...> Задание Мережковского: выявить общину новых людей, превративших сознание Толстого и Достоевского в творческий быт; эта община была бы третьим заветом, сливающим Новый и Ветхий»⁶. Идею синтеза – «святой плоти», «Белый подвергал сомнению в пользу „духа”»⁷. Признавая необходимость соединения рассудка и чувства, он призывал «не оглядываться на „нижнюю бездну”»⁸, то есть не увлекаться плотскими страстями. Это письмо, напечатанное в сокращении в 1903 г. в журнале «Новый путь»⁹, несмотря на критику идей Мережковских, произвело огромное впечатление на все их окружение.

¹ Белый, Андрей. Мережковский. Не мир, но меч // Он же. Собрание сочинений в 14 т. Т. VIII. Арабески. Книга статей. Луг зеленый. Книга статей / Общ. ред., посл. и комм. Ларисы Сугай. Москва: Республика; Дмитрий Сечин, 2012, с. 325-327; с.325.

² Пайман, Аврил. История русского символизма / Авторизованный пер. с англ. Владимира Исаковича. Москва: Республика, 1998, с. 230.

³ Бойчук, Андрей. «Святая плоть» земного в «Кубке метелей». К теме «Белый и Мережковский» // Литературное обозрение, 1995, № 4-5, с. 144-152; Бойчук, Андрей. «Лучезарный старец»: «слой» Мережковского в «Кубке метелей» А. Белого // Известия РАН. Серия литературы и языка, т. 54, 1995, № 2, с. 16-30.

⁴ Бойчук, Андрей. «Святая плоть» земного в «Кубке метелей», с. 145.

⁵ Цит. по: Лавров, Александр. А. Белый в 1900-е годы. Жизнь и литературная деятельность. Москва: Новое литературное обозрение, 1995, с. 102.

⁶ Белый, Андрей. Начало века / Вст. статья, подгот. текста и коммент. Александра Лаврова. Москва: Художественная литература, 1990, с. 188-189.

⁷ Лавров, Александр. А. Белый в 1900-е годы, с. 102.

⁸ Цит. по: Бойчук, Андрей. «Святая плоть» земного в «Кубке метелей», с. 157.

⁹ Там же, с. 157-159.

Следует отметить, что взгляды Мережковского и Гиппиус не всегда совпадали. Гиппиус гораздо больше, чем ее супруг, развивала идеи философии любви. И «слой» влияния идей Зинаиды Николаевны можно выделить как самостоятельный внутри «Кубка метелей». Отметим, что в посвящении к этой симфонии имя «дорогого друга» З. Н. Гиппиус шло вторым после Н. К. Метнера. Прежде всего, влияние Гиппиус проявляется в том, что Белый пытается дать ответ на вопрос религиозного духовного преображения в виде теории «священной любви», то есть религии любви, соединяющей земное и небесное. В этом миропонимании ощутимо влияние философии Владимира Соловьева, который посвятил обоснованию высшего смысла любви цикл статей под общим названием «Смысл любви». Согласно философу, «смысл человеческой любви есть *оправдание и спасение индивидуальности через жертву эгоизма*. <...> Дело истинной любви прежде всего основывается на вере. <...> Признать безусловное значение за данным лицом или верить в него (без чего невозможна истинная любовь) я могу только утверждая его в Боге, следовательно, веря в самого Бога и в себя как имеющего в Боге средоточие и корень своего бытия»¹⁰.

Философия самого Белого в начале XX в. еще весьма неопределенная и зыбкая. Как прийти к этой новой религии любви, поэт пока не знает: «Если и возможно в будущем *новое религиозное сознание* (курсив мой – Е. К.), то путь к нему – только через любовь. <...> Должен оговориться, что я пока не вижу достоверных путей реализации этого смутного зова от любви к религии любви»¹¹. Его привлекает идея «серафического эроса», которая воплощается в «Кубке метелей» на сюжетном и стилистическом уровнях. Лейтмотивом «Кубка метелей», как и «Драматической» симфонии, становится императив – «Все побеждает любовь».

Поклонение любви – тема вечная, но в случае с Белым обращение к ней навеяно тесным духовным общением с Гиппиус. Показательно ее стихотворение «Любовь» (1900):

В моей душе нет места для страданья:
Моя душа – любовь.
Она разрушила свои желанья,
Чтоб воскресить их вновь.

В начале было Слово. Ждите Слова.
Откроется оно.
Что совершалось – да свершится снова,
И вы, и Он – одно.

Последний свет равно на всех прольется,
По знаку одному.
Идите все, кто плачет и смеется,
Идите все – к Нему¹²

Близки по тематике к приведенному стихотворению рассуждения писательницы, содержащиеся в статье «Влюбленность» (1904): «Только она одна (влюбленность – Е. К.), в области пола, со всей силой утверждает *личное* в человеке (и нераздельно слитое с ним *неличное*): только со Христом, после Христа, стала открываться человеку тайна о *личном*. И наконец, сама влюбленность, вся, вошла в хор наших ощущений, родилась для нас *только* после Христа (курсив автора)»¹³. Рассматривая «метафизику любви» у Мережковских, Е.А. Королькова пришла к заключению, что «Гиппиус пишет о необходимости роста осознанной воли из бессознательного желания, об усилении любящих к вечному существованию. <...> Любовь есть реальное и трансцендентное утверждение личного бытия. Любовь есть чувство „стремительное, как полет, неутолимое, как жажда Бога” – это огненный полет в

¹⁰ Соловьев, Владимир. Смысл любви // Он же. Философия искусства и литературная критика / Сост., вступ. ст. Рената Гальцева, Ирина Роднянская. Москва: Искусство, 1991, с. 99-160; с. 113, 142-143.

¹¹ Белый, Андрей. Полное собрание сочинений: в 2 т. Т. II. Москва: Альфа-книга, 2011, с. 402.

¹² Гиппиус, Зинаида. Лирика. Минск: Харвест; Москва: АСТ, 2000, с. 67.

¹³ Гиппиус, Зинаида. Влюбленность // Она же. Собрание сочинений: в 15 т. Т. VII. Мы и они. Литературный дневник. Публицистика 1899–1916 гг. / Сост. Тимофей Прокопов. Москва: Русская книга, 2003, с. 78-89; с. 82.

бесконечность»¹⁴. Эта концепция перекликается с философией эроса, разработанной Владимиром Соловьевым, хотя сама Гиппиус подчеркивала в первую очередь влияние Евангелия: «В новозаветных текстах указывается путь к созданию бессмертной плоти, таким путем является любовь. Любовь есть нескончаемый путь к воскресению. Речь идет о жертвенной любви, о любви как безграничной самоотдаче себя другому»¹⁵. Главным символом подобной любви является Иисус Христос. Все попытки писателей и мыслителей рубежа веков увидеть в любви средство преображения человека и способ достижения бессмертия были частью большого мировоззренческого проекта, который О.Б. Матич назвала «эротической утопией»¹⁶.

Все призрачно на сюжетном уровне в симфонии Белого, все двоится, дума о загадочной красавице становится для главного героя Адама Петровича думой о Боге: «Сладкая была дума о ней, сладкая о Господе тайна: значит, Господь был среди них»¹⁷. Любовь к женщине осмысливается через любовь к Богу, к Христу. Единение двух людей в истинной любви трактуется как обретение Бога, точнее, познание смысла божественного. Пройдя через искус земной страсти, герои освобождаются от нее. Белый рисует выход из проблемы плоти и духа через торжество духа, страсть выражается в небесной, нетелесной форме, сами герои к концу симфонии почти лишаются плоти, и, возможно, обретают бессмертие. Красавица Светлова умирает для мира, затворяясь в монастыре, ее возлюбленный погибает на дуэли, а потом воскресает в виде странника-плотника – то ли духа, то ли человека. Только через смерть, символическую или реальную, и последующее воскресение возможно претворение земной, грешной любви в священную. Став невестой Христовой, игуменя обретает своего возлюбленного – Христа-плотника, возможно, именно его она всегда и любила в виде смертного Адама Петровича. Ветхозаветного Адама заменяет новозаветный Иисус. В посланиях апостола Павла также говорится о противопоставлении «ветхого Адама» Христу – «новому Адаму». Белому, скорее всего, важен этот смысл, эта аллюзия, стереоскопически углубляющая образ героя, символизирующая его. В.В. Полонский считает, что русскому сознанию той эпохи была важна мысль о преодолении «„ветхого”» (при всех сопутствующих религиозно-библейских коннотациях) человека с его первородным грехом, смертностью и окликаемыми высь»¹⁸.

Туманный финал симфонии вполне соответствует тому, что Белый не смог создать свое окончательное и целостное представление о священной любви как новом религиозном сознании: «Тема метелей – это смутно зовущий порыв... куда? К жизни или смерти? К безумию или мудрости? И души любящих растворяются в метели»¹⁹. Поэт, ориентируясь на Зинаиду Гиппиус, стремится к художественному выражению «метафизики любви» в попытке объединения героев в Христе. А вот центральный мотив метели связан преимущественно с образом реального Мережковского и является аллюзией на очерк Белого «Мережковский. Силуэт» 1907 г. из книги «Арабески»: «Предвесенняя метель – и в ней Мережковский. Я думал о нем еще прежде во дни метелей. В метельный день познакомился я с ним. И часто теперь о нем вспоминаю в метелях»²⁰. В стремлении обрести в возвышенной любви новое религиозное сознание, то есть вполне определенную философскую и нравственную систему, также можно усмотреть влияние Дмитрия Сергеевича и дискуссий, проходивших на заседаниях Религиозно-философских собраний 1901–1903 гг., о чем Белый упоминает в своих воспоминаниях «Начало века»: «Теперь не представишь себе, как могла болтовня Мережковского выглядеть „делом”; а в 1901 году после первых собраний религиозно-философского общества заговорили тревожно в

¹⁴ Королькова, Елена. Метафизика любви в творчестве Д. Мережковского и З. Гиппиус. Текст лекции. Санкт-Петербург: Гос. ун-т аэрокосмического приборостроения, 2006, с. 22-23.

¹⁵ Там же, с. 25.

¹⁶ См.: Матич, Ольга. Эротическая утопия: новое религиозное сознание и fin de siècle в России. Авториз. пер. с англ. Елены Островской. Москва: Новое литературное обозрение, 2008.

¹⁷ Белый, Андрей. Полное собрание сочинений, т. II, с. 413.

¹⁸ Полонский, Вадим. Литература и религиозно-философская мысль «серебряного века» // Он же. Между традицией и модернизмом. Русская литература рубежа XIX–XX вв.: история, поэтика, контекст. Москва: ИМЛИ РАН, 2011, с. 52-84; с. 77.

¹⁹ Белый, Андрей. Полное собрание сочинений, т. II, с. 402.

²⁰ Белый, Андрей. Мережковский. Силуэт // Он же. Собрание сочинений в 14 т. Т. VIII. Арабески. Книга статей. Луг зеленый. Книга статей, с. 312.

церковных кругах: Мережковские потрясают-де устои церковности...»²¹. Однако в свое время Белого интересовали эти идеи, и он лично обсуждал их с Дмитрием Сергеевичем.

В образном строе симфонии причудливо переплелись узнаваемые лексемы и реалии из церковной сферы и характерные образы-символы из поэзии младосимволизма: невидимый хор во главе с невидимым дьяконом поет церковные гимны, здесь присутствует характерная двойственность: и завывания вьюги, и слава Невесте-Софии; убранство церкви сливается с «голубыми мирами», «далекими пространствами», Богородица – с образом Вечной женственности и реальной золотоволосой женщиной: «Кружево иконостаса трепыхалось в пламеньках восковых свечек. <...> Вьюжное облачко занавесило блеск лампадки. И вновь развеялось. И пурпурный огонек знаменательно засверкал, озаряя образ Богородицы. <...> Женщина с золотыми волосами искала всю жизнь воплощения – в улыбках, в словах и делах. Единственный вставал Лик, Желанный, – пред ней улыбался, склонялся»²². Игуменя же в заключительной части симфонии наделяется чертами колдуньи.

Одна из подглавок симфонии называется «Первая метельная ектения», где вместо традиционного в православной службе призыва «Господу помолимся» повторяется призыв: «Вьюге помолимся», другая – именуется «Вторая метельная ектения», и она также перепевает одноименную часть православного богослужения, состоящую из череды последовательных просьб к Богу, затем следует третья. Внедрение церковных наименований и реалий в словесную ткань 4-й симфонии может быть следствием той риторики, которая велась на Религиозно-философских собраниях, а также звучала в салоне Мережковских. Сам Белый писал позднее, что он говорил с Мережковским на «специальном жаргоне»²³. Это свидетельствует о его увлеченности поиском некоего религиозного и одновременно творческого откровения в виде сплава православия, философии, мифологии и эстетики символизма. Религиозные образы и понятия, к которым обращается Белый, как сквозь линзу, преломлены через философию Соловьева, поэзию Блока и Брюсова. А.Г. Бойчук усматривает в образе «старого мистика», появляющегося на страницах симфонии и помогающего главным героям обрести свой путь, черты самого Мережковского в возвышенном, преображенном виде²⁴. Это вполне закономерно, так как на данном этапе Белый действительно считал его своим учителем.

Итак, в «Кубке метелей» влияние идей Мережковского на образный, сюжетный и стилистический строй произведения осложняется воздействием риторики Гиппиус, а также собственными поисками автора решения основных противоречий духовной жизни Серебряного века, таких, как: любовь и эрос, официальная религия и прочие верования, смерть и бессмертие, плотские слабости и духовное совершенство.

Совсем иначе взаимодействие с концепциями Мережковского и отношение к нему самому как личности проявилось в романе «Серебряный голубь», хотя и в этом произведении писатель снова обращается к тем же двум узловым проблемам: Завет Духа (новая Церковь) и статус плоти, земной страсти, эроса. Решает он их теперь в сниженном ключе, в сатирической, гротескной форме, торжествует уже не дух и бесплотность, а плоть и бездуховность. А. Пайман определила особый склад мышления и черту поэтики Белого, дополняющую его лиризм, как «гротескный натурализм»²⁵, ставший тем модусом художественности, через который Белый пропустил идеи Мережковского.

А.В. Лавров указывает, что на «Серебряного голубя» повлияли исследование скопческой секты П.И. Мельникова-Печерского, описанное в монографии «Белые голуби», и его роман «На горах»; рассказ З. Гиппиус «Сокатил», посвященный деятельности и быту сектантов, на который Белый откликнулся рецензией; поэтическое творчество К. Бальмонта, посвященное сектантству («Зеленый вертоград. Слова поцелуйные»), где поэт обращается к голубиным

²¹ Белый, Андрей. Начало века, с. 193. – Отметим, однако, что цитируемый фрагмент написан в 1930-м либо в 1932-м г. и рассчитан на советского читателя тех лет (ср.: Белый, Андрей. Начало века, с. 555-560), при всем том, что Белому не чуждается ни самоанализа, ни признания об изменчивости и своеобразной корыстности своего отношения к Мережковским (см.: там же, с. 14, 156).

²² Белый, Андрей. Полное собрание сочинений, т. II, с. 405.

²³ Белый, Андрей. Начало века, с. 209.

²⁴ Бойчук, Андрей. «Лучезарный старец»: «слой» Мережковского в «Кубке метелей» А. Белого, с. 25.

²⁵ Пайман, Аврил. История русского символизма, с. 185.

мотивам²⁶. Но учение самих Мережковских и их религиозные практики исследователь упоминает в этой монографии вскользь (всего один раз), отмечая, что косвенно и это могло найти отражение в романе.

В статье, специально посвященной героям романа, А.В. Лавров указывает, что Мережковский был одним из прототипов столяра-сектанта Кудеярова, ссылаясь при этом на слова самого Белого: «...Столяр Кудеяров есть помесь: своеобразное преломление черточек одного надовражинского столяра с М.А. Эртелем и <...> Д.С. Мережковским; <...> с его бессознательным революционно-сектантским (метафизическим только) хлыстовством...»²⁷. По мнению исследователя, «параллель с Мережковским предполагала прежде всего идеологический смысл, включавший и пристальный интерес этого писателя к исканиям русских сектантов, готовность видеть в их устремлениях прообраз живой религии, и конкретные черты сходства между мистическими интуициями полуграмотного столяра, возвещавшего „день, когда родится царь-голубь – дите светлое” <...>, и концепцией „нового”, апокалипсического христианства, грядущего вселенского царства Св. Духа („в новом царстве, в серебряном государстве”, проповедует Кудеяров, „кто да кто воссияет на царство? – Дух”)²⁸. Далее Лавров приводит свидетельство Аси Тургеневой о прототипах романа, обращаясь к ее пометам на полях парижского издания книги К. Мочульского «Андрей Белый» (1955), где однозначно указано, что Кудеяров – это Мережковский²⁹.

Представляется интересным развить приведенные Лавровым свидетельства и переклички с опорой на текст романа и свидетельства ряда современников.

Белый голубь – традиционный христианский символ Святого Духа, пришествия которого в виде Завета Духа чаяли Мережковские. В тексте Белого он обретает хищный ястребиный клюв и становится знаком секты, близкой по духу хлыстовству и готовой пойти на преступления. Интрига романа завязывается также в Духов день (День Святого Духа), когда по христианским поверьям Дух Святой снисходит на землю. Уже эта аллюзия (использование конкретного дня, на который выпадает большой христианский праздник) служит завуалированным началом игры с концепцией Третьего Завета Мережковского. Глава еретической секты столяр Митрий Кудеяров, как и его тезка, петербургский интеллигент, писатель и мыслитель, готовится изменить жизнь людей путем новой веры. Отметим, что в «Кубке метелей» главный герой – Адам Петрович, наделенный сходством с Христом, – плотник. В связи с этим то, что Кудеяров столяр, скорее всего, такой же намек на его (и заодно Мережковского) амбиции нового пророка. По словам Вяч. Иванова: «Мережковский непрерывно исповедует свою веру»³⁰.

В учении Дмитрия Сергеевича было действительно много характерных идей, которые отразились в утрированном виде в учении столяра Кудеярова. Вот как писал сам мыслитель о сути своих религиозных представлений в книге «Больная Россия» (1913): «*Религия Троицы*, религия всеобъемлющая, не только созерцательная, но и *действенная*, <...>, соединяющая в себе „разум – волю – чувство”, как соединены в человеке „дух – душа – плоть”³¹. Н. Бердяев позднее высказывался о концепции Мережковского: «Возможность нового откровения в христианстве для него связана с реабилитацией пола и плоти»³². Это «освящение» плоти Белый из плана отвлеченного переводит в план реальной народной жизни и представляет в романе в виде разгула плотских страстей, которым не может противостоять главный герой – поэт-декадент Петр Дарьяльский. Только в его любовной связи с крестьянкой-сектанткой Матреной не обнаруживается никакого духовного начала. Как справедливо отметил А. Лавров,

²⁶ Лавров, Александр. А. Белый в 1900-е годы, с. 286.

²⁷ Лавров, Александр. Дарьяльский и Сергей Соловьев. О биографическом подтексте в «Серебряном голубе» Андрея Белого // Он же. Андрей Белый: Разыскания и этюды. Москва: Новое литературное обозрение, 2007, с. 105-129; с. 106-107.

²⁸ Там же, с. 109.

²⁹ Там же, с. 110.

³⁰ Иванов, Вячеслав. Мимо жизни // Д. С. Мережковский: pro et contra: Личность и творчество Д. Мережковского в оценке современников: Антология / Сост. Александр Николюкин. Санкт-Петербург: Русский христианский гуманитарный институт, 2001, с. 354-361; с. 354.

³¹ Мережковский, Дмитрий. Больная Россия: Избранное / Авт. предисл. и послесл., сост. Сергей Савельев. Ленинград: Ленинградский государственный университет, 1991, с. 86.

³² Бердяев, Николай. Русская идея. Москва: АСТ, 2010, с. 253.

иронизирует Белый и над концепцией «двух бездн» Мережковского, замечая, что жители Лихова «вели образ существования своего между двумя, так сказать, безднами: бездной пыли и бездной грязи»³³.

Радения в доме Кудеярова как бы претворяют в жизнь мечты Мережковских об одухотворении плоти и плотском воплощении духа, только в сниженном виде: столяр хочет, чтобы его сожительница крестьянка Матрена родила от поэта Дарьяльского младенца, в котором воплотится Дух Голубиный. О поэте столяр говорит: «Ентова плоть духовна»³⁴. И у безбровой, рябой бабы Матрены тоже «духовное тело-то»³⁵. Белый виртуозно играет ключевыми словами из философского арсенала Мережковского, вкладывая их в уста косноязычного столяра, и тем самым меняет контекст их бытования. Чаемого столяром зачатия не происходит, Дух и Плоть никак не соединяются и не воплощаются в новом создании. Сам Дарьяльский разочаровывается в своем «хождении» в народ, а плоть Матрены кажется ему уже не духовной, а звериной. Так жаждавший духовного перерождения и не нашедший его, герой гибнет, чтобы тайна секты не была раскрыта.

Следует отметить, что Белый иронически обыгрывает в романе популярные устремления интеллигенции своего времени: духовное перерождение, слияние с народом, соединение духа и плоти, тройственность и символику Троицы. Все это – заветные идеи Мережковских. Показательно, что супруги и в творчестве, и в жизни проповедовали принцип тройственного союза (в том числе, брачного), считая Троицу наиболее совершенным символом. Бердяев так характеризует отношение Мережковского к Троице: «Религиозная общественность есть тайна трех в отличие от тайны двух – тайны брака, и тайны одного – тайны личности. Общественность, соединение людей есть троичность, и она раскрывается в религии Троицы»³⁶. В романе Белого троичность обыгрывается на уровне системы персонажей: Дарьяльский оказывается в любовном треугольнике с Катей и Матреной, а Матрена – в тройственном союзе со столяром и Дарьяльским. Причем последний союз теоретически обосновывается главарем секты как необходимый для воплощения Духа Святого.

Ряд черт в личности самого Дмитрия Сергеевича мог подтолкнуть Белого к тому, что он стал одним из прототипов фанатика-сектанта Кудеярова. Бердяев писал: «Наиболее характерна для Мережковского и для близких ему по духу сектантская, кружковая психология. Эта сгущенная, намагниченная атмосфера вокруг идей Мережковского, эта сверхличная магия и есть, вероятно, самое притягательное, наиболее влияющее»³⁷. Исследователь биографии писателя В. Быстров так характеризует Дмитрия Сергеевича: «Был в нем «полюс» и проповедник, „Аввакумик”, по позднему, несколько ироничному определению московского поэта-символиста А. Белого. В петербургских гостиных, салонах, залах его все чаще видят то в образе обличителя, то в образе страстного полупророка. Он ощущал себя провозвестником нового мировоззрения...»³⁸. Известно, что Мережковские не только теоретически проповедовали новое учение, но и проводили в своей петербургской квартире настоящие богослужения, таинства евхаристии и причастия, согласно своим собственным ритуалам. В мемуарах Белого эпизоды его первого знакомства с Мережковскими пронизаны мотивами заманивания, завлечения, ловли, опутывания сетями красноречия. Подобные же мотивы наблюдаются и в романе в описаниях эпизодов сближения Дарьяльского со столяром и Матреной.

Одержимость сектанта разглядел в старшем современнике Белый и представил в романе свою версию воплощения его убеждений в жизнь. Немало переключек можно обнаружить в самом стиле описания Мережковского в мемуарах Белого и сектанта-Кудеярова в романе. Вот, например, первое впечатление Белого от приезда Мережковских в Москву: «Бедная Ольга Михайловна, перепугавшаяся каких-то там радений: пристойная община! Бедный Д.С., сколько шепотов он возбуждал! Не намерен его защищать; в светской жизни они были мелочны;

³³ Лавров, Александр. Дарьяльский и Сергей Соловьев, с. 109.

³⁴ Белый, Андрей. Полное собрание сочинений, т. I, с. 31.

³⁵ Там же.

³⁶ Бердяев, Николай. Новое христианство (Д.С. Мережковский) // Д.С. Мережковский: pro et contra, с. 331-353; с. 343.

³⁷ Там же, с. 340.

³⁸ Быстров, Вячеслав. Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус. Петербургская биография. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2009, с. 80.

лучшее приберегали для общины»³⁹. В мемуарах Белый приводит острое суждение М.С. Соловьева: «Мережковский – радеющий хлыст, называющий пляс и, как знать, свальный грех свой огнем, от которого-де загорится вселенная»⁴⁰.

Помимо совпадения имен, и во внешнем описании Митрия Мироныча Кудеярова можно увидеть черты Дмитрия Сергеевича Мережковского. В мемуарах Белый не раз подчеркивает хилость, маленький рост, худобу Мережковского⁴¹, «что-то постное в поступи», и огромный нос, «порадивший размерами, странной неправильностью»⁴². С этой тщедушностью контрастирует полемический запал и страстность автора «Христа и Антихриста». Митрий Кудеяров также описан как ослабевший от поста, «колченогий, хворый, бледный, и нос как у дятла»,⁴³ сообщается, «что духом вышел столяр изрядно, а вот лицом, так, можно будет сказать, – не вышел... Не лицо – баранья обглоданная кость, и притом – пол-лица...»⁴⁴. Но при такой захудалой наружности столяр неутомимый спорщик и толкователь Священного Писания.

Скрытую иронию по отношению к Религиозно-философским собраниям и бесконечным прениям о христианстве в кружке Мережковских можно увидеть в следующем пассаже из романа: «...Всякий уж знает, куда и зачем тащится столяр в такое время: к батюшке, препираться насчет текстов; весьма начитан был в Писании и своего мнения держался – какого, никто понять не мог, хотя с виду он не таился: вовсе недосуг было знать, что разумел под единой сущностью столяр Кудеяров и какого мнения насчет учительшиного безобразия придерживался»⁴⁵. Далее следует сцена прений столяра и попа совершенно в гоголевском духе. А вот другой пассаж, скрыто пародирующий большие притязания и учительское самомнение Мережковского, отраженные в образе Кудеярова: «Тут Абрам покосился на столяра: хворый, вот – и нос, как у дятла, и все кашляет, а – тайны знает, все как есть столяру открыто: судьбы человек, и то, почему восстает народ, и то, отчего в брюхе чимирь от рождения заводится»⁴⁶.

В этой же главе Белый стилистически обыгрывает слова-омонимы и разные значения одного слова: «Нищий идет, – постукивает посохом; хорошо ходить так... <...> А вот тут ни ребят, ни клопов, – дух холодный и вольный на тебя дышит: дышит он, где хочет, откуда приходит, куда уходит, не ведают люди; только в полях надышишься духом и, как дух, пойдешь куда захочешь; и уже ничего не будет: ты пойдешь по морям, по земле подсолнечной – в мир ты уйдешь: сиречь, **духовным** станешь; оттого **духово** дело и есть странствие, то есть безделье святое: шатайся в полях, кабы все шатались – одним надышались бы **духом**, одною **душою** бы стали: **дух** же един ризою своею землю одел. Только, видно, не так оно: от одного полевого **дыхания** таинств не получилось; знает, видно, столяр Кудеяров тайны, какие нужны для преобразования братии: нужен подвиг **духовный**, дерзновение нужно великое... »⁴⁷ (выделено мной – Е. К.). Нагнетание однокоренных слов и слов-омонимов не оставляет сомнения в сознательной игре: «Дух» в религиозной терминологии как «благодать Божия» и «Святой Дух», «дух» как «душа», «дух» как призрак и «дух» в бытовом смысле как «запах» и «дыхание».

Далее в речи самого столяра можно увидеть пародию на религиозную проповедь Мережковского о новой Церкви и о единстве духа и плоти: «Тот-то вот: ты и смекай: в сопсвенность свою идем, во владения наши, в церковь нашу – и в том тайна есть. Духовный наш путь в обитель некую обращатся: што воздух – дхнул, и нет его, воздуху; в вот как **духовных дел святость во плотское естество претворятса**, то, милый, и есть тайна. Естество наше – дух и есть; а сопсвенность ни от кого, как от **Духа Свята...**»⁴⁸ (выделено мной – Е. К.). Подчеркнутое косноязычие, путанность и даже бессмыслица – черты именно пародийной поэтики, но за ними не может укрыться постоянное «жонглирование» словами с корнями «дух», «плоть», «святость», «естество». Мы видим, что ироническая игра ведется не только на

³⁹ Белый, Андрей. Начало века, с. 213.

⁴⁰ Там же, с. 189.

⁴¹ Там же, с. 458, 463.

⁴² Там же, с. 209.

⁴³ Белый, Андрей. Полное собрание сочинений, т. I, с. 17.

⁴⁴ Там же, с. 31.

⁴⁵ Там же, с. 18.

⁴⁶ Там же, с. 29.

⁴⁷ Там же, с. 28-29.

⁴⁸ Там же, с. 30.

сюжетном уровне романа, на уровне системы персонажей, но и на стилистическом (как снижение смысла слов-символов, ключевых для религиозно-философской проповеди Мережковского).

Итак, между временем создания симфонии и периодом написания романа взгляды Белого и его личные отношения с Мережковскими претерпевают существенную эволюцию. Равновесие между духом и плотью ни в одном из произведений писателя так и не было достигнуто: «Кубок метелей» – торжество «бездны верхней», а «Серебряный голубь» – «бездны нижней». Дмитрий Сергеевич в романе предстает уже не в виде серафического мудрого старца, наставника главного героя, а в виде косноязычного сектанта. Лирика вытесняется сатирой, монастырь – сектой, торжество духовной любви сменяется торжеством темной страсти. Бердяев, анализируя идеи Мережковского, писал: «По положительному своему содержанию „плоть“ означает и мир, и космос, и землю, и пол, и всю культуру с „науками и искусствами“, с любовью и общественностью, и тело, предназначенное к воскресению. Откровение „плоти“ есть откровение о земле, о священной общественности, о религиозном смысле культуры, о воскресении тела, умерщвляемого аскетической религией духа»⁴⁹. Но в романе Белого этот комплекс значений оказывается перевернут, вместо воскресения тела происходит ряд убийств, вместо культуры, науки и искусства – подчеркнутое косноязычие и темнота, вместо единения – распад связей между людьми (брачных, любовных, дружеских). В таком повороте (от мистического к сатирическому) сказались накопившиеся к 1909 г. обиды, приведшие к разрыву личных отношений между Мережковскими и Белым. Но нельзя не отметить тот факт, что налицо и продолжение полемики, начатой в 1902 г. Под влиянием перемен в личных отношениях давняя полемика и идейные расхождения окрасились в иронические и сатирические тона. Карикатурное и гротескное искажение мировоззрения, характера и внешности Мережковского в романе «Серебряный голубь» не умаляет значения личности и философии старшего современника для творчества Белого и для всей литературы Серебряного века. Пародийному обыгрыванию и карикатурному изображению подвергались и другие писатели и мыслители рубежа XIX–XX вв., это был чрезвычайно актуальный способ критики и литературной борьбы, а порой и просто добродушного отклика на новинки литературы.

Сатирическая линия в этом романе не менее сильна, чем линия философская, столь же активно позднее сатира воплотится в «Петербурге». В «Серебряном голубе» она заключается не только в карикатуре на мистический анархизм (образ Чухолки), но и в сатирическом преломлении самых разных концепций, разрабатываемых в ту эпоху. Не реальное сектантство само по себе или произведения на эту тему его современников, а полемика с концепцией нового религиозного сознания легла в основу романа Белого. С идеями Мережковского, высказанными в многочисленных статьях и книгах, он был знаком все же лучше, чем с реальной народной религиозной жизнью. Бердяев определяет коллективизм как основополагающую черту новой церкви, чаемой Мережковским: «Явление подлинной Церкви Христовой, Церкви Духа, может быть лишь результатом нового религиозного опыта, опыта таинственного „мы“... <...> Субъект религиозного опыта и религиозных достижений всегда – „мы“, некая соборность в Духе, религиозная общественность и религиозная община. Личного, индивидуального, творческого почина и религиозного дерзновения Мережковский не допускает и боится»⁵⁰. И больше всего сходства эта новая религиозная общественность Мережковского обнаруживала именно с русским сектантством, что отметил не только Белый, но и другие современники: «Религиозная тема Мережковского более всего есть у хлыстов, и стремления его даже называли интеллигентной хлыстовщиной»⁵¹. Их роднит, по мнению Н. Бердяева, устремленность к общей жизни в духе, к коллективному, а не индивидуальному, религиозному экстазу. По словам А. Эткинда «предмет его (Белого – Е. К.) реконструкции – отнюдь не реальная жизнь русских сектантов, а скорее „чаяния“ интеллигенции»⁵², которые только разыгрываются в декорациях народной жизни.

⁴⁹ Бердяев, Николай. Новое христианство (Д.С. Мережковский), с. 338.

⁵⁰ Там же, с. 341.

⁵¹ Там же.

⁵² Эткинд, Александр. Хлыст. Секты, литература и революция. Москва: Новое литературное обозрение. 2013, с. 357.

Известно, что Дмитрий Сергеевич и Зинаида Николаевна не только теоретически, но и практически пытались приблизиться к народной религиозной жизни в своей поездке на Светлое озеро, во время которой они, староверы и крестьяне-богомольцы, по воспоминаниям Гиппиус, «понимали друг друга с полуслова»⁵³. Белый мог знать об этой поездке, и тогда ирония романа могла быть направлена и на этот биографический факт. С точки зрения Белого, все не так гладко и оптимистично во взаимоотношениях народа и интеллигенции, как описывали Мережковские. Он иронизирует в романе над попытками насквозь книжного человека, мыслителя и писателя, сблизиться с народом, а также рассматривает один из конкретных вариантов модернизации православия, явленный в народном сектантстве сквозь призму философии Мережковского. Если Завет Духа и настанет, то он в конкретном воплощении будет иметь, скорее всего, антигуманное, зверино-чувственное лицо, а вовсе не то преображение плоти и духа, которое чаяли увидеть Мережковские. Без народа нельзя создать ни новой церкви, ни новой культуры, но народная стихия таит в себе хаос и жестокость, а не умиление и любовь. Создавая свой художественный текст, Белый стремился к воплощению яркого жизненного характера, с одной стороны, и к постановке определенного социального эксперимента, с другой. Этот эксперимент показал, что разрыв между народом и интеллигенцией слишком велик, несмотря на наличие порой сходных устремлений, любые попытки его преодоления закончатся гибелью для представителя интеллигенции, а значит, «чаяния» русских интеллигентов утопичны.

Проникновение религиозно-философских идей в художественную литературу, которое мы наблюдаем в произведениях Белого, было отличительной чертой того времени. По мнению В. Полонского «Напряженное переживание религиозно-философских вопросов как «темы жизни» приводит к сдвигам границ внутри русской культуры. <...> Границы между профессиональной философией, богословием, гуманитарной наукой, с одной стороны, и литературным трудом – с другой, с очевидностью размываются»⁵⁴.

Анализ произведений Белого показывает, что он, с одной стороны, пытается художественно выразить в образах и сюжетных коллизиях абстрактные концепции и философские взгляды своих старших современников, а с другой – полемизирует с ними и ищет собственные ответы на главные вопросы Серебряного века, касающиеся любви, пола, эроса, религии, бессмертия. На примере двух произведений мы видим, как эволюционируют взгляды и литературный стиль писателя, как в художественной форме догматизм религиозно-философских истин проблематизируется, проверяется и приходит к самоотрицанию.

Примечания:

ИМЛИ РАН – Институт мировой литературы им. М. Горького Российской академии наук
КМ – Кубок метелей

Ekaterina Kuznetsova, A reflection of the philosophical-religious ideas of D. Merezhkovsky in the symphony “Goblet of blizzards” and the novel *The Silver Dove* by A. Belyi

The article traces the ideological and figurative echoes between two works of Andrei Belyi and two ideological projects of his time: Dmitry Merezhkovsky's concept of new religious consciousness and Zinaida Gippius' “metaphysics of love”. The analysis of Belyi's texts shows that he, on the one hand, tries to artistically express abstract concepts and philosophical views of his older contemporaries in images and plot conflicts, and, on the other hand, argues with them and seeks his own answers to the main questions of the Russian “Silver Age”: (what is) love, sex, eros, religion and immortality...

Key words: new religious consciousness, metaphysics of love, the antithesis of Spirit and Body, mystical symbolism, grotesque symbolism.

⁵³ Цит. по: Зобнин, Юрий. Дмитрий Мережковский: Жизнь и деяния. Москва: Молодая гвардия, 2008, с. 174.

⁵⁴ Полонский, Вадим. Литература и религиозно-философская мысль «серебряного века», с. 55.